

МИХАИЛ ДЕВЯТАЕВ

63.3(2)622

Ч-48

СА-411464

16+

Николай
Черкашин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

УДК 358.452(092)(047)
ББК 68.520.11(2Рос)
Р-48

Николай Черкашин

МИХАИЛ ДЕВЯТАЕВ

Государственное бюджетное учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная научная библиотека им. Н.К. Крупской»

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2023

ca-411464

ВСТУПЛЕНИЕ

За всю историю войн XX века никому еще не удавалось сделать то, что сделал старший лейтенант Михаил Девятаев: поднять в воздух немецкий самолет и улететь на нем из-под носа противника. Всех, кто вникал в эту невероятную историю, завораживал узор счастливых случайностей, детективный ход подготовки к захвату самолета и самого полета. Но при этом за кадром оставалась важнейшая деталь: самолет Хе-111, на котором перелетела линию фронта группа Девятаева, был носителем многих военных секретов немецких ракетчиков. Ведь он был нашпигован аппаратурой для отслеживания полета ракет и управления ими с воздушного КП! Более того, старший лейтенант Девятаев сообщил командованию точные места расположения стартовых столов на полигоне, и по ним был нанесен уничтожающий удар с воздуха. Когда об этом доложили Герингу, он пришел в ярость и приказал отдать под трибунал начальство лагеря Пенемюнде с комендантом аэродрома во главе.

О военном летчике Михаиле Девятаеве, бежавшем с острова Узедом на немецком самолете с группой военнопленных, я узнал из публикаций моего коллеги по «Комсомольской правде» Василия Пескова. Его огромный очерк — во всю полосу — потряс не только меня, но и всех, кто его читал. Тем более что рассказ шел от первого лица: Девятаев сам рассказывал журналисту о всех подробностях перелета с острова Узедом.

Я никогда не думал, что судьба подарит мне встречу с этим легендарным человеком. В 1985 году в Манеже про-

ходила большая выставка, посвященная 40-летию Победы. В одном из залов я увидел немолодого крепкого человека в темно-синей тужурке капитана речного флота, на груди его ярко горела «Золотая Звезда». Это был он, Михаил Девятаев. Не узнать его было нельзя. Я подошел, представился, мы обменялись рукопожатиями. Расспрашивать Девятаева, который уже устал рассказывать свою историю, я не стал. Из многочисленных публикаций знал ее во многих деталях. Договорились встретиться в Казани, где он жил, и там, не спеша, побеседовать. А вот сегодня жалею о несостоявшемся разговоре. В беседе с Михаилом Петровичем о его невероятном бегстве с секретного немецкого аэродрома Пенемюнде, быть может, открылась бы какая-нибудь новая подробность...

Дважды собирался я в Казань — по свежему знакомству, но общение ограничилось двумя короткими разговорами по телефону. Зато удалось побывать на Узедоме, в том самом Пенемюнде, с которого и началась эта история.

8 ноября 2016 года я стоял на той самой взлетной полосе, с которой мой герой начал свой полет в бессмертие. Конечно, это звучит пафосно. Но без пафоса, без изумления, без преклонения здесь не обойтись. По отношению к Девятаеву уместны все восторженные и высокие чувства. О нем, о Михаиле Петровиче Девятаеве, о его личности и подвиге, собственно, вся эта книга. А если без пафоса: я стоял на взлетной полосе бывшего военного аэродрома на острове Узедом в Пенемюнде, откуда взлетел на Хе-111 летчик-смертник, советский военнопленный старший лейтенант Михаил Девятаев. Идет мелкий осенний дождь. И далеко-далеко на старте взлетной полосы готовится к разбегу самолет с черно-желто-красными опознавательными знаками ФРГ. Я же стою там, где полоса обрывается перед урезом моря. Стоять здесь нельзя, потому что аэродром все еще действующий, с него по-прежнему взлетают самолеты. Но мне очень важно прикоснуться к этой земле, к этому асфальтобетону, который, похоже, остался с тех давних военных времен... Меня засекала местная охрана, и ко мне уже направился какой-то чин, чтобы выдворить

нарушителя с территории аэродрома. И, не дожидаясь его, я «выдворяюсь» сам, то есть тихо скрываюсь в мокрых кустах, делая вид, что собираю грибы и созревший шиповник...

Зачем я сюда пробрался? Чтобы почувствовать то время, в котором мой герой совершил свой подвиг. Спустя восемь десятков лет это очень трудно, но возможно. Я уже приобрел некоторое умение проникать сквозь плотный туман ушедшего времени. Иногда для этого нужно совсем немного: заглянуть в старый дворик и услышать нечаянную фортепьянную мелодию из полуоткрытого окна. Или сесть в допотопное купе старинного вагона и проехать под дыхание паровоза несколько километров... Нужна некая вибрация души. И здесь, глядя, как по мокрому летному полю ко мне направляется немецкий охранник, я эту вибрацию ощутил. Ведь я видел то, чего так не хотелось видеть моему герою, — приближение охраны в тот час, когда он готовился осуществить свой фантастический план...

Я потом подсчитал: чтобы у Девятаева получилось все, что он задумал — захват самолета, взлет, полет, посадка, — должны были соединиться в одну цепь девять счастливых случайностей (а может быть, и больше). И каждая из них могла стать роковой, последней в жизни. И чтобы этого не произошло, нужна была нечеловеческая воля. Впрочем, как раз человеческая, ибо Михаил Девятаев был именно человеком, настоящим человеком маресьевского склада.

И даже если бы он не совершил свой немислимый полет с Панемюнде, его жизнь была бы не менее интересна как жизнь фронтового летчика-истребителя, сбившего в небе не одну вражескую машину... Наконец, как гражданина, совершившего еще один подвиг — чисто человеческий подвиг многолетнего «хождения по мукам».

Впрочем, все по порядку.

охранным свойством от вражеских пуль. Может быть, так оно и было...

Майор абвера заглядывает в бумаги:

— Вы есть старший лейтенант Девятаев Михаил Петрович?

— Я.

— Вы храбрый летчик. И мы оставим вам ордена и жизнь, если вы будете не только храбрым летчиком, но и, как это у вас говорится, бла... благо... благоразумным человеком. Вы служили в дивизии, которой командует полковник Покрышкин. Расскажите, что вы о нем знаете?

— Отличный летчик. Дважды Герой Советского Союза. Справедливый командир. Веселый человек.

— У него есть личные слабости?

— Слабости? Да нет. Сильный мужик.

— Я имею в виду: пьет неумеренно, женщинами увлекается...

— Ну какая же это слабость?! Женщины слабаков не любят. Нет у него слабостей. Кремень!

— Кре-мень? Кремль? Что есть кремень?

— Камень такой. Об него искры высекают.

— Вы сами камень. Штайнкопф! Каменная башка.

Девятаева уводят. Майор говорит помощнику:

— Он производит впечатление не очень умного человека. В лагерь его!

— В лагерь летчиков?

— Нет. В общий.

Глава вторая

В РУБАШКЕ ИЗ КРАСНОГО ФЛАГА

Михаил родился в 1917 году в бедной крестьянской семье села Торбеева (Мордовия) тринадцатым по счету ребенком. Его явление на белый свет было встречено без особой радости — еще один лишний рот...

Крестили его в сельской церкви, нарекли Михаилом в честь воина архистратига Михаила. Через два года Петр Девятаев, глава большого семейства, сложил голову на

Гражданской войне. Большая семья и без того влачила жалкое существование, а тут еще и потеря кормильца...

Самым большим лакомством в семье Девятаевых (правильно Девятайкиных) был овсяный кисель с печеным луком. Жили, как могли, перебиваясь с хлеба на квас. Но жили, учились, мужали, мечтали...

М. П. Девятаев:

«Рос я оторвой, драчуном, заводилой среди ребят. В 1923 году пошел в школу, а в январе 1924-го был исключен за шалости на уроках и постоянные драки с одноклассниками.

«Подумаешь, важность какая!.. И без школы обойдусь», — говорил я товарищам, а у самого сердце сжималось от обиды на самого себя: «Что я, хуже всех? Товарищи учатся, а я один теперь с тоски пропадаю, и поиграть не с кем... Зачем мне нужны были эти драки?»

Несколько дней я никуда не выходил из дому от стыда. От скуки места себе не находил. А тут еще мать журит без конца и плачет, что я у нее такой неудачный вышел — настоящий шалопай, которого даже из школы выгнали. Обидно было слушать такие слова, потому что я был о себе другого мнения: никакой я не шалопай, стоит только мне захотеть — и стану примерным учеником, даже лучше других. Пусть примут обратно, тогда увидят... Но учительница сказала, что не допустит меня на уроки, пока не попрошу прощения перед всем классом и не пообещаю всему классу исправиться. На это у меня не хватало духу. Перед одной учительницей, так уж и быть, готов покраснеть и попросить прощения, но перед классом... Нет, не могу...»

И все же попросил. Мать стало жалко. Она из сил выбивалась, чтобы поднять на ноги такую ораву. Преодолевал гордыню — повинился перед классом. И вернулся за парту.

Обещание свое сдержал: стал вести себя хорошо и старательно учиться. Успешно переходил из класса в класс.

В детстве любил слушать рассказы старших, читать книги о войне. В душе завидовал взрослым и сожалел,

Через час в Оренбург уходит поезд. Подброшу к вагону, и полный вперед! Или «от винта», как говорят авиаторы.

— Поеду! Согласен, товарищ майор!

— Ну, тогда посиди в коридоре, сейчас оформлю документы, и мой водитель подбросит тебя до вокзала.

Коварная фортуна выкинула невероятный фортель: из тюрьмы — да за облака! Потом она еще не раз будет удивлять и даже поражать Девятаева своими выкрутасами. Но тогда он думал только об одном: побыстрее из Казани с ее «Черным озером», побыстрее в Оренбург!

Он даже не сокрушался, что не успел повидаться-попрощаться с Фаей. Уже сидя в вагоне, он стал писать ей письмо с объяснением того, что с ним приключилось....

Глава четвертая

ОРАКУЛ

Как легко это древнее слово превратилось в аббревиатуру: ОРАКУЛ — Оренбургское авиационное Краснознаменное училище летчиков. Впрочем, так оно называлось в то время, позднее это учебное заведение было переименовано в Оренбургское высшее военное авиационное Краснознаменное училище летчиков имени И. С. Полбина (ОВВАКУЛ)¹.

Интересно, что во времена Российской империи в этом здании кузницы летчиков размещалась духовная семинария. Но ни о какой преємственности — даже духовной, поднебесной — в те времена и речи быть не могло. Все смотрели в будущее, а оно было голубым, как небо в летную погоду.

Однако будем верны истории: свое родословие училище ведет от Московской школы воздушного боя и бомбометания, формирование которой было начато 10 августа 1921 года. 9 августа 1922 года школу перевели в Серпухов, а 20 июня 1927 года перебазировали в Оренбург и разместили в здании бывшей духовной се-

¹ Ныне это замечательное училище, увы, не существует: его расформировали 12 февраля 1993 года.

минарии. Летчики-инструкторы перегнали в Оренбург самолеты.

Осенью 1928 года из Ленинграда в Оренбург была перебазирована и Высшая военная школа летчиков-наблюдателей, которая вошла в состав 3-й военной школы летчиков и летчиков-наблюдателей (ВАШЛ). В июне 1938 года 3-я ВАШЛ была преобразована в Военное авиационное училище летчиков (ВАУЛ) имени К. Е. Ворошилова.

Есть школа, есть техникум, институт, аэроклуб и есть училище. Военное училище. Звучит как чистилище. И в этом есть своя правда. Не в институте, не в клубе из курсанта «вычищают» все ненужное и вредное для дальнейшей службы — в авиации ли, на флоте или в сухопутных войсках; «вычищают» из будущего воина, командира, офицера — лень, необязательность, робость, своеволие, физическую слабость и многое другое, что никак не вяжется с понятием «военный человек». Процесс этот непрост и нескор, временами суров. Но в итоге выходит боец, «слуга царю, отец солдатам». В СССР, конечно, слуга не царю, а, как сказано в Присяге, «трудовому народу».

Вот и Девятаев стал служить трудовому народу с первых же дней КМБ — курса молодого бойца. Подъем! Койки заправить! С голым торсом на зарядку! Шагом марш в столовую! А потом учебные классы, тренажеры, строевой плац, самоподготовка... И конечно же: наряды, караулы, погрузки-разгрузки, уборка территории и все прочие училищные дела. Такой распорядок дня оставлял лишь полтора часа на «личную жизнь», на пару писем домой, на письмо любимой девушке. Любимая девушка у каждого была своя, одна и желанная вдвойне ввиду невозможности видеться не то что каждый день, но и не каждую неделю, а и иногда и не каждый месяц...

И все-таки, несмотря на расстояние в шестьсот верст, Фаина взяла однажды да приехала в Оренбург посмотреть на будущего летчика. Приехала не одна, приехала с мамой.

Воскресный день всегда радостный, а уж когда он еще по-летнему солнечный, теплый, щедрый — полный восторг!

At. G. G. G.

Истребитель И-16,
на котором в первые
годы войны воевал
лейтенант
Михаил Девятаев

Младший летчик
Михаил Девятаев.
1940 г.

Он налил полный стакан коньяка и опрокинул его. Забыть! Все забыть: и фильтрационный лагерь, и протокол № 221, и протокол № 222... Да разве такое забудешь? Но ведь была, была та польская деревушка Голлин, где он посадил свой трофейный «хейнкель», и были слезы радости на впалых щеках его товарищей.

Эх, родился бы у него третий сын, назвал бы Сергеем...
Прощай, Палыч!

Глава четвертая

ПРОЛЕТАЯ НАД ГНЕЗДОМ КУКУШКИ...

Мне трижды довелось пролетать над теми местами, где проходил маршрут Девятаева, — над Балтикой, мимо острова Узедом. И каждый раз возникали одни и те же мысли: «А ведь Девятаев летел именно здесь, мимо этих островов, вот только судов внизу было меньше.

Веками люди рвались в небо, пытались подняться в него с высоких башен, не догадываясь, что путь в поднебесье ведет с полей. С летных полей.

Самый памятный, самый приближенный к девятаевскому полету был у меня вылет на самолете-разведчике дальней морской авиации «Ту-95 РЦ». Вот когда проняло, когда многое стало ясно, когда небо в тебя (или ты в него) проникло целиком и безраздельно...

Легендарный Ту-95, созданный по заданию Сталина как межконтинентальный бомбардировщик, был принят на вооружение ВВС СССР в 1956 году и все еще служит в Воздушно-космических силах Российской Федерации. Беспрецедентное авиационное долгожительство! И беспрецедентны рекорды для винтовых самолетов, поставленные этим воздушным гигантом. Ту-95 — самый скоростной в мире самолет с винтовым двигателем, его четыре движка позволяли ему пролететь без посадки свыше 30 тысяч километров. Михаил Девятаев, безусловно, знал о таких машинах, но полетать на них ему не довелось. Хотя когда я в шутку спросил, смог бы он поднять такую махину в воздух, он улыбнулся и сказал:

лет — Если бы при таких обстоятельствах, как в феврале сорок пятого года, наверное, смог бы!

Слава богу, что аэродром дальней авиации Кипелово, что на родной вологодской земле, ничем не напоминает аэродром в Пенемюнде. И время, несмотря на разгар холодной войны, вполне мирное...

С погодой повезло. Видимость, как говорят летчики, — «миллион на миллион».

Вон там, слева по борту, медленно, словно тяжелая баржа, проплывает плоский лесистый остров Узедом, второй по величине остров Германии. И, наверное, самый таинственный в европейских водах.

Давным-давно, еще школьником, видел я фильм, в котором герой, спасающийся от врагов на самолете, забивается в одноместную кабину под ноги летчику. Кадр настолько зримо передавал гнетущую тесноту, что представление о замкнутом, давящем пространстве и сейчас еще вызывает во мне судорожную попытку высвободиться неведомо из чего.

Полет на дальнюю разведку длился очень долго. В конце концов стало клонить в сон. Я не посмотрел тогда на часы, потому что посчитал приступ сонливости минутной слабостью. К тому же приступ этот был настолько сильным, что поднять руку и сдвинуть рукав казалось делом невыносимой трудности. Видимо, это случилось довольно давно, потому что, когда я уговорил себя прилечь на полчаса (иногда это помогает снять сонную одурь), щека заскребла о шинельное сукно щетиной, отросшей уже в полете.

Я лежу в узком проходе между пилотскими креслами на своей шинели и дышу через кислородную маску. Подо мной ролик-эскалатор. Его ребристая резиновая лента подвозит обитателей головной кабины к нижнему люку в том случае, если кто-то ранен, обездвижен, а машину, подбитую в бою, нужно срочно покинуть. Дальше срабатывает парашютная автоматика... Лежать на таком ложе неуютно уже от одной мысли, что кто-то случайно может нажать пусковую кнопку транспортера. Знаю, что никто не нажмет, но все-таки... Перед самыми глазами — ступ-

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ

М. П. ДЕВЯТАЕВА

- 1917, 8 июля — родился в селе Торбеево Спасского уезда Тамбовской губернии (ныне Республика Мордовия).
- 1933 — окончил семилетнюю школу села Торбеево.
- 1934—1938 — учился в Казанском речном техникуме, одновременно занимался в аэроклубе. Работал помощником капитана баркаса на Волге.
- 1938 — Свердловским РВК города Казани призван в Красную армию.
- 1939—1940 — служил в 163-м резервном авиационном истребительном полку в Торжке.
- 1940 — окончил Первое Чкаловское военное авиационное училище летчиков им. К. Е. Ворошилова, получил звание младшего лейтенанта.
- 1940—1941 — командир звена 163-го авиационного истребительного полка в Могилеве.
- 1941, 22 июня — в действующей армии. Боевой счет открыл 24 июня, сбив под Минском немецкий пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87». Всего за период с 23 июня по 16 сентября 1941 года произвел 180 боевых вылетов, в которых лично сбил девять самолетов противника. Награжден орденом Красного Знамени.
- 16 сентября — во время выполнения боевого задания был ранен в правую ногу. Направлен в госпиталь.
- 1942, 11 января — выписан из госпиталя, направлен в Казань в Высшую школу Красной армии.
- 29 ноября — регистрация брака в Казани с Фаузисей (Фаиной) Хайрулловой.
- 20 декабря — не окончив школы, поступил в распоряжение Московского военного округа. После госпиталя врачебной комиссией определен в тихоходную авиацию. Служил в 714-м запасном ночном бомбардировочном полку на У-2, затем в санитарной авиации.
- 1943, начало года — служил в 714-м отдельном авиаполку связи.
- Сентябрь — командир звена 1001-го отдельного санитарного авиаполка.
- 1944, май — вернулся в истребительную авиацию, командир звена 104-го гвардейского истребительного авиационного полка (9-я гвардейская истребительная авиационная дивизия, которой командовал Александр Покрышкин, 2-я воздушная армия, 1-й Украинский фронт).
- 13 июля — сбит в воздушном бою в районе Львова, по-

пал в плен, после продолжительных допросов отправлен в Польшу, в лагерь для военнопленных

13 августа — с несколькими заключенными совершил попытку побега из Лодзинского лагеря военнопленных. Беглецы были схвачены, затем отправлены в лагерь смерти Заксенхаузен. Затем направлен на немецкий остров Узедом для работы на аэродроме Пенемюнде.

1945, 8 февраля — вместе с группой из десяти советских военнопленных захватил немецкий бомбардировщик Хейнкель-111 и совершил на нем побег.

Сентябрь — отправлен на остров Узедом для работы с Сергеем Королевым на ракетной базе в Пенемюнде.

Ноябрь — уволен в запас в звании младшего лейтенанта.

1946 — родился первый сын Алексей. Он выбрал медицину, работал в глазной клинике врачом-анестезиологом, позднее стал кандидатом медицинских наук.

1951 — родился второй сын — Александр. Он также выбрал медицину, занимался научной деятельностью, стал кандидатом медицинских наук.

1957 — родилась дочь Нэлли. Она окончила Казанскую консерваторию, преподавала музыку в театральном училище.

15 августа — по ходатайству С. П. Королева присвоено звание Героя Советского Союза.

1950-е — проводил испытания «Ракеты» — одного из первых советских судов на подводных крыльях; долгие годы работал капитаном речных судов, стал первым капитаном теплохода «Метеор».

2002, 24 ноября — скончался в Казани на 86-м году жизни. Похоронен в Казани на Арском кладбище, где расположен мемориальный комплекс воинов Великой Отечественной войны.

Награды

Ордена:

«Золотая Звезда» Героя Советского Союза (1957); два ордена Ленина; два ордена Красного Знамени; орден Отечественной войны I и II степени; «За заслуги перед Отечеством» II степени в серебре (ГДР).

Медали:

«За доблестный труд» («В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина»); «За оборону Москвы»; «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»; «Ветеран труда»; медаль Жукова.

Почетный гражданин Республики Мордовия, а также города Казани и немецких городов Вольгаста и Цинновица.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49